

Новиков В. Т., Легчилин А. А.

Белорусский государственный университет

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОРЫ ЕГО СОЦИАЛИЗАЦИИ

Желание разгадать тайну собственного существования, сформулированную И. Кантом в ряде вопросов, суть которых сводится к вопросу «что есть человек?», побуждает человека обратиться к осмыслению экзистенциальных проблем. Это проблемы метафизического характера, которые не имеют универсального решения, а размышление над ними не предполагает достижения некоего однозначного и имеющего утилитарное значение ответа. Тем не менее, сама постановка этих проблем важна для человека, знаменуя определенную степень его духовной зрелости.

Среди этих проблем одно из центральных мест занимает проблема смысла жизни, определяющая жизненную стратегию человека и выбор им ценностных приоритетов. Очевидно, что этот выбор сугубо индивидуален и не поддается унификации, подобно тому, как каждый человек обладает неповторимым мировоззрением, и, в этом смысле, является уникальной личностью. Можно выделить несколько интерпретаций данной проблемы.

Взгляды, относящиеся к первой из них, характерны для людей, которые придают смыслу жизни сакральный характер, связывая земное существование человека с его служением высшим ценностям, а перспективы – с потусторонним, трансцендентным бытием. Смысл земной жизни человека видится в его творческом поиске, свойственном духовному развитию человека, и, на этой основе, в укреплении веры. Подобное понимание смысла жизни свойственно людям верующим, которые являются активными членами церковного прихода.

Вторая интерпретация имеет натуралистический характер, а ее сторонники в понимании человека, артикулируют его природное начало. Так, одни из них, придерживаясь взглядов эвдемонизма, видят смысл существования в достижении счастья, другие, будучи приверженцами гедонизма – в наслаждении. Правда, мнения о том, что считать настоящим счастьем, а что – подлинным наслаждением, заметно различаются. Так, если для философов-киренаиков наслаждение предполагало лишь чувственное удовольствие, то для Эпикура и последователей наслаждение, означало, прежде всего, отсутствие страданий.

Третья интерпретация имеет рационалистический характер, соотнося смысл жизни человека с его поступками. Он может быть связан с установкой человека на строгое следование клановому или государственному долгу (ригоризм), либо на «служение» людям, ставя их интересы выше

собственных. Однако редукция смысла жизни к целям, которые ставит и стремится реализовать человек в своей практической деятельности, таит опасность его подмены прагматическими целями и задачами.

Наконец, четвертая интерпретация связана с рассмотрением жизни в качестве самоценности – уже в самом факте существования человека, независимо от наполненности его жизни событиями, с этой точки зрения, заключен великий смысл. И, как отмечал французский философ В. Янкелевич, только смерть задним числом высвечивает смысл жизни [4, с. 432].

Однако признание самоценности жизни в качестве ее смысла не обязательно удостоверяется после смерти человека другими людьми. Это может быть характерно для самого человека, если он способен к рефлексии, к осознанию им важности самой постановки вопроса о смысле собственной жизни. Можно сказать, что в данном случае важен не столько результат размышления, сколько его процесс, в ходе которого человек, опираясь на свой жизненный опыт, утверждает себя в качестве обладающей развитым самосознанием личности.

Данный подход подводит нас к рассмотрению еще одной экзистенциальной проблемы – проблемы смерти и бессмертия человека.

Отношение к смерти всегда наполнено драматизмом, высвечивая глубинные чувства человека, а сам факт смерти никого не оставляет равнодушным. Такое отношение к смерти определяется, во-первых, пониманием (оно было характерно еще для древних греков) того, что смерть человека – это угасание «микрокосмоса» – «человеческой Вселенной», целого суверенного мира человеческой субъективности, без которого, согласно поэтической фразе, «мир не полон». Во-вторых, потому что обряд похорон – это не просто традиция погребения, а показатель цивилизованности общества и человека, символический акт благодарности «уходящему» и становящемуся прошлым, это акт демонстрации исторической «связи времен». В-третьих, потому что смерть рождает в душе живущего чувства сострадания, горести, сочувствия, пробуждает в нем те исконные качества, которые делают его человеком, но которые в будничных ситуациях дремлют в нем. В-четвертых, потому что смерть оттеняет главное в жизни, учит ценить ее и делать свое существование наполненным содержанием и смыслом. Действительно, «горе – это не просто одно из чувств – это конституирующий антропологический феномен: ни одно самое разумное животное не хоронит своих собратьев. Хоронить – следовательно, быть человеком...» [2, с. 232].

Отношение к смерти было различным в разные исторические эпохи в различных культурах, характеризуя степень развития самосознания че-

ловека и культуры общества. В этой связи, представляет интерес периодизация этапов развития отношения к смерти человека Западной цивилизации Ф. Арьеса [1]. Прослеживая эволюцию бессознательных установок общества по отношению к смерти, он выделяет в этом процессе пять этапов.

Первый этап (от архаики до XII века) характеризуется отношением к смерти как природному злу для всего коллектива, а похоронный ритуал – как средство «приручить смерть», сделав ее понятной и нормативной. Тем самым, с глубокой древности смерть воспринималась как экзистенциальный феномен, не подлежащий равнодушному отношению и забвению.

На втором, третьем и четвертом этапах феномен смерти артикулируется по-разному, будучи связанным с доминированием разных установок – ее индивидуализации, затем острого переживания страха за собственную кончину, затем восприятия смерти как утраты близкого человека. Однако всегда смерть оставалась загадкой и считалась закономерным завершением жизни.

По мнению Ф. Арьеса, на пятом этапе, начавшемся в XX веке, ситуация в корне меняется, о чем говорит само название этапа – «смерть перевернутая». Для современного общества характерна тенденция к забвению смерти – на фоне ценности благополучия и здорового образа жизни смерть рассматривается как жизненная неудача. В целом отношение общества к смерти амбивалентно: с одной стороны возникла «индустрия смерти», призванная облегчить умирающему человеку и его близким расставание, с другой – растет безразличие к смерти, увеличивается число суицидов. В этой ситуации актуальным является напоминание Ф. Арьеса об опасности забвения обществом угрозы смерти, ведущего к разрушению человечности, утрате современным человеком своей «самости», которому вторят горькие слова известного французского писателя и публициста А. Мальро: «Мы единственное поколение, которое не изобрело ни своих капищ, ни своих гробниц».

Поэтому стремление задуматься над аксиологическими проблемами так важно для современного человека, который, постигая тайны природы и преобразуя мир, оказывается не в состоянии понять самого себя, нанося вред и своему телу, и душе и духу. Можно согласиться с нелюбимым, но справедливым замечанием М. Шелера о том, что «еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время» [3, с. 31]. Вместе с тем, не все потеряно для человека, коль он все же задумывается над метафизическими проблемами собственного бытия. Отношение к рассмотренным экзистенциальным

феноменам, тем самым, является важным ориентиром социализации человека и индикатором его духовной зрелости.

Литература

1. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М., 1992.
2. Василюк, Ф. Е. Пережить горе / Ф. Е. Василюк // О человеческом в человеке. – М., 1991.
4. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988.
5. Янкелевич, В. Смерть / В. Янкелевич. – М., 1999.